

*Моему любимому ворчливому существу
позитива, а также каждому, кто ждал
эту историю.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Есть легенды, что ткуются веками, переходят из уст в уста и оседают вязью на страницах книг. А есть истории, оставшиеся лишь в памяти руин, в шёпоте камня и в пепле прошлого. Однако, иногда старая легенда способна породить не менее, а то и более, захватывающее новое приключение. Стоит лишь протянуть руку и попробовать ухватить одно из сокровищ древности, сокрытое под толстым слоем мифов. А иногда одно маленькое приключение — это всего лишь начало новой легенды, которая связывает первые узелки судеб прямо сейчас, на ваших глазах.

Добро пожаловать на Лантру — остров, с которого мы совершим путешествие в сердце мира Тхару — Древний Архив Тирха, один из семи оплотов эпохи легенд, ныне лежащий в руинах.

Мы отправимся на Мэйтару, где мифов и преданий больше, чем песка в пустыне Мэй. Туда, где под лучами золотого Орта и в тени гор Энхар случилась эта маленькая история.

ГЛАВА 1

СИНЯЯ ПЯДЬ

Чтобы он ещё раз провёл ночь на северном берегу? Ни в жизнь! Птичий базар был пуст на стоящие новости, а вот шума и гама столько, словно его обитатели ткут саму историю. Не говоря уж о сырости, принесённой на крыльях ветра: все перья теперь как после дождя, влага добралась до самых костей, сделав их тяжёлыми.

Так думал старый ворон Эб, ворчливо каркая и вырываясь из тени скал. Ухватившись за первый луч Орта, он стряхнул с себя ночь и нырнул навстречу рассвету. С каждым взмахом угольных крыльев тепло растеклось по перьям, наполняя их силой и багряными бликами. Он летел навстречу щупальцам Орта, которые вытягивались всё дальше, бледнели и наполнялись золотом. Скоро небо из многослойности красного и оранжевого превратится в чистый аzur.

Эб рассекал безоблачную высь, чёрным росчерком мелькая среди чаек и громовых птиц. Поток нёс его на южную оконечность острова. Ворон летел на восток.

Острые скалы и шумные гнездовья сменились торговыми площадями, пристанями, наползающими друг на друга домами, вереницами обозов и пёстрым одеялом прилавков. По улицам, что вились как угри, сновали тхару, и чем выше поднимался Орт, тем больше двуногих вливалось в поток жизни. Тут были южные бисты, пропахшие песком и специями, суровые северяне, словно несущие за собой свежесть снежных долин и запах еловых веток, звероликие аллати со всех уголков мира, чешуйчатые имперцы с земли Дракона... Все они топтали камень дорог и не ведали свободы полёта. Эти двуногие называли остров Лантру — твердь, омытая большой водой в разноцветной оправе кораблей.

За много проведённых тут лун ворон изучил каждый клочок острова. Знал, где раздобыть еду, где укрыться на ночь, а где найти хорошую историю. Вот только с каждым днём стоящих историй оставалось всё меньше, а перья на крыльях так и зудели, желая пуститься в новое путешествие. Туда, где в шёпоте мира он отыщет отголоски потерянных песен, подхватит обрывки, сорванные ветром с крыльев громовых птиц.

Пусть на птичьем базаре легко можно было ухватить оставленное без присмотра яйцо, а шумная часть Лантру соблазнительно пахла рыбой и кровью, Эб знал, что настоящие легенды лучше искать в тихих руинах. Вот только в каменном кольце, опоясывающем остров, гулял лишь ветер. Прошлое молчало, под взглядом ворона неприветливо щерилось, обнажая кладку некогда величественной, а ныне изрядно поблёкшей под натиском времени

Искрящейся Стены. Словно оброненное драгоценное ожерелье, она то показывалась, то ныряла в природные выходы белых скал, не желая раскрывать своих тайн.

Но вот в одной из ниш сверкнул знакомый лиловый огонёк. В предвкушении встречи перья на заливке Эба радостно затрепетали, и ворон устремился вниз: иногда судьба приносила отличную историю вместе с едой, и такие дни были бесценны.

Стена искрилась под чёрными крыльями, являя великолепный образчик искусства Древних: высеченная из растущего камня, украшенная слюдой и хрусталём, пустынным стеклом и пластинами металла, она сверкала в лучах Орта, змеясь хребтом спящего дракона, ныряла в океан и показывалась из воды вновь сияющим маяком. Рассвет возвращал молодость Стене, стирал безжалостные следы времени.

Но стоило Орту подняться выше, и волшебство развеивалось: некогда ажурные башенки давно были заброшены, филигранный узор их барельефов стёрся, а часть кладки была пущена на строительство зданий и укрепление набережной. Но и того, что осталось, с лихвой хватало. Прибывающие на Лантру поражались красоте и величию Стены с моря, покидающие остров уносили этот образ в сердце, а влюблённые поколение за поколением устраивали в руинах свидания и встречали рассветы.

Но башенка, куда направлялся Эб, была из тех, тропа к которой была сложна для двуногих, — камни подвижны и ненадёжны, а обвалившаяся с моря

стена опасна. Потому ворон и приметил это место, чтобы, укрывшись от всех, перебирать и сортировать собранные истории. Но однажды, вернувшись с охоты, он заметил гостью. Это было несколько лун назад, и с первой встречи ничего не изменилось.

Тень обволакивала хрупкий силуэт — из-под накинутого на голову шарфа выбивались лиловые пряди да тонкая косичка с блестящей заколкой. Эб давно приметил на бусине руну «тирха», и то, что гостя, задумавшись, часто прикасается к ней. В такие моменты фиолетовые глаза девушки смотрели куда-то за пределы окружающего мира, а камень на её браслете горел изнутри. Иногда этот огонь срывался с кончиков её пальцев и крохотными звёздами рассыпался вокруг ладоней. Эбу нравилось думать, что гостя тоже приходит к Сте-не, чтобы в тишине прошлого перебрать истории. И потому ворон был не против предоставить ей своё укромное место. Кроме того, глубоко внутри он надеялся, что однажды гостя поделится своими историями с ним.

Эб приземлился и деликатно каркнул, сообщая о своём присутствии. Гостя улыбнулась:

— Как прошло утро, Эб? — спросила она.

Ворон вывернул голову, внимательно посмотрел чёрными бусинами глаз и каркнул в ответ: ему нравилось, как звучит его имя в её устах.

— Согласна, море сегодня прекрасно и рассвет великолепен.

Девушка поправила шарф, опустил его на плечи, и на длинных заострённых ушах блеснули колечки и кафф. Эб прищурился, вглядываясь в вязь

украшений. Элвинги были одной из трёх рас, что населяли Большой Мир. Ворон видел их парящие острова и дворцы среди облаков. Но эта элвинг была иной. Кожа цвета фиолетовой глины, рассечение крестовины зрачков и детали... Эб подмечал их раз за разом и всё пристальнее вглядывался, надеясь однажды ухватить скрытые за ними истории. Вот вновь на кожаных наручах слегка блеснули лепестки метательных ножей, качнулся шнурок с глиняной окариной на шее, а когда элвинг развернулась, чтобы достать из сумки свёрток, то за спиной мелькнул кинжал, чья рукоять — морда дракона — горела рубиновыми глазами. Эб помнил эти алые самоцветы, видел, как за них платили кровью.

Но в руках у девушки была дешёвая лепёшка урмаша, и то, с каким наслаждения она поглощала пищу бедняков, удивляло не меньше, особенно если знать, что это была уже пятая порция, а даже самый крепкий грузчик в порту вряд ли мог осилить больше трёх.

Желудок Эба сжался, напомнив о пропущенном завтраке, и ворон смущённо отвёл взгляд от аппетитного свёртка в руках гостыи. Он собрался было отступить подальше, но элвинг подцепила кусочек мяса и протянула птице. Тот принял угощение, проглотил и подставил голову. Тонкие пальцы скользнули по смоляным перьям, почёсывая птицу, и ворон зажмурился от удовольствия.

Гостыя перевела взгляд на пристань и дальше. Вид открывался восхитительный: лазурное море, белые точки чаек и крупнее — громовых птиц. Воздух звенел их криками, шептал мерным рокотом

прибоя. А ещё сюда доносился гул толпы внизу под Стеной, словно шум раковины, которую подносишь к уху и с трепетом ждёшь эхо голосов морвингов.

Эб впервые встречал тхару, способную слышать его. Пусть со стороны, заметь их кто, могло казаться, что элвинг говорит сама с собой, а птица лишь каркает, выпрашивая подачки, — Эб знал, что гостя *понимает* его. И, похоже, эта редкая для тхару способность совсем не удивляла элвинг, и потому они могли говорить часами или также подолгу сидеть в тишине, вслушиваясь в шёпот камня и моря.

Они ждали историй, что несли за собой взломаченные волны и дальние ветра.

— Вот бы так же просто можно было общаться с тхару, — вздохнула элвинг, на что птица тут же ответила. — Что правда, то правда: куда нам до мудрости Древних.

Эб довольно зажмурился, а гостя глянула вдаль: Орт прошёл половину пути к трону.

— Пора. — Элвинг положила остаток лепёшки перед птицей. — Клыкарь раздобыл новое дело. Так что придётся покинуть Лантру.

Эб прерывисто каркнул.

— Конечно, вернись, как же я без тебя, — улыбнулась элвинг и подмигнула. — А если нет, у тебя есть крылья, чтобы найти меня.

Ловко перескакивая с камня на камень, она остановилась, задрала голову и, жмурясь в ярких лучах, помахала ворону, который провожал её, паря в небе.

Накинув на голову шарф, прикрыв длинные уши, элвинг вынырнула из руин и смешалась с толпой, вливаясь в поток бистов и аллати, зверолодей, населяющих большую часть мира и словно магнитом ведомых сюда — на самый край света, в поисках свободы, богатства, славы и приключений. Несколько оборотов колеса Орта — и для неё край мира начался с Лантру, и вот она всё ещё мерила шагами белый камень его портов.

Перевалочный пункт, центр мира, где встречаются торговые дороги, пядь земли Тхару, где ежедневно топталось столько чужаков, что лица смазывались, а голоса сливались в единый гул. Остров-порт, город-базар, осколок материка Мэйтару, взявший на себя право сортировать убывающих и прибывающих в самый большой, влиятельный и скрытный город мира — Аббарр.

Скалистый кусок Каменного Порта, отколовшийся во время Великого Катаклизма, подхваченный Большой Волной, он стал единственным, что смог вырвать брат-океан Овару у сестры-пустыни Мэй. Малая жертва, но и её было достаточно, чтобы Мэй сильнее прежнего ощерилась клыками белых гор Энхар. По крайней мере, так говорили легенды, а как было на самом деле, никто не помнил. Одно было наверняка — Лантру лишь выиграл: омытый любовью Овару, обласканный ветрами, согретый лучами Орта, окружённый вниманием громовых птиц и кораблей, он притягивал к себе удачу и богатство.

При желании этот белокаменный осколок Мэйтару мог претендовать на звание восьмого Великого Оплота. Здесь был сосредоточен весь флот

Аббарра, а главное — никто не мог попасть в Каменный порт, минуя Лантру: острые скалы отлично защищали материк от вторжения. Казна наполнилась, принимая плату от всех изгоев и смельчаков, желавших начать новую жизнь в золотых песках, а также от тех, кто решил их покинуть — навсегда или на время, дабы сбыть товар, купить заморские чудеса или посетить дальние земли. Но ни разу за всю историю остров не пошёл против своего старшего брата, оставаясь верным Орму и Совету.

Тут, в изменчивой и разношёрстной толпе, элвинг чувствовала больше свободы: в любое время она могла сесть на один из кораблей и отправиться в любую точку мира. По крайней мере, она хотела в это верить.

— А вот и ты! — тяжёлая рука хлопнула по плечу. — Привет, Птичка. Не режь меня, я с миром.

Элвинг ослабилась, убирая нож, блеснувший меж пальцев:

— Грав, однажды я тебя убью, и ты сам будешь виноват, — она дружески ударила биста кулаком в плечо.

— О нет, — расплылся в улыбке Грав, северный бист, получивший прозвище Клыкарь за выдающуюся улыбку. — Я слишком толстокож для твоих уколов. Напомни, почему тебя зовут Ашри?

Элвинг лишь фыркнула, зная, что ответа приятель от неё и не ждёт:

— Потому что ашри-ашвинги маленькие, миленькие, ушастенькие птички...

Ашри закатила глаза, всем видом показывая, что шутка изжила себя не одно колесо Орта назад.

– Ушастенькие, а не ужасненькие, – уточнил Клыкарь и подмигнул.

– Ты невыносим, Гравмол Прави, – покачала головой элвинг.

– Невыносимо прекрасен, – ввернул Грав. – А ещё умён, силён, с отличным чутьём на тропы, пути и дела, что приносят прибыль...

– И проблем на пятую точку, – не осталась в долгу Ашри.

Бист пожал плечами:

– Это называется – приключения!

Ашри не смогла сдержать улыбку. С Клыкарём она была знакома с первого шага на Лантру, и благодарила судьбу, что бист появился в её жизни в самый тёмный час. Их дружба была крепка и практична, а большего и не требовалось... Разве что найти артефакт Древних или в одной из вылазок натолкнуться на рубиновую жилу. Потому-то время от времени элвинг и бист объединяли усилия, дабы нажить состояние или хотя бы оплатить харчи и постой.

– Как насчёт перекусить и обсудить дельце? – предложил Грав.

– Опять в «Синей пяди»? – элвинг всплеснула руками.

– Отличное же место, – Грав обогнул торговца ракушками и нацепил на руку Ашри браслет. – Выбор блюд невелик, но и лишних ушей в этот час нет.

Ашри кивнула, сняла украденный браслет и ловко запустила в торговца, попав точно на одну из палочек с товаром. Перезвон раковин утонул в шуме улицы, за спиной фыркнул гвар, и элвинг

увернулась от телеги. Кому-то повезло меньше, и толпа разразилась криками и бранью. Клыкарь ухватил за руку тощего паренька и рыкнул, ощерившись ему в лицо, забирая кошель. Незадачливый воришка вывернулся угрём и дал дёру, а Грав, взвесив на ладони почти невесомый мешочек, ловко опустил его в сумку молодой аллати, что пыталась уследить за двумя ребятишками и чуть не осталась без последних монет.

— Вэлла¹, ваша сумка расстегнулась, — указал он.

Аллати обернулась, прижала треугольнички кошачьих ушей к макушке. Ашри подумалось, что эта бедная вэлла с тёмными кругами усталости под глазами и затравленным взглядом была ненамного старше неё самой. Элвинг тут же смерила взглядом двух детёнышей, совершенно не слушавших увещевания своей матери.

Пока аллати суетилась, проверяя содержимое сумки и поглубже пряча тощий кошель, бормоча благодарности, Грав опустил на корточки перед малышами:

— Слушайтесь Вэллу, иначе громовые птицы унесут вас и скормят своим птенцам, — напустив на себя устрашающий вид, сказал Клыкарь и добавил чуть тише, так, чтобы слышали его лишь они: — А если птицы замешкаются, я вас сам продам на жаркое демонам.

Малыши оторопели, прижались друг к другу, послушно взялись за ручки и засеменили следом за матерью.

Ашри ухмылялась, наблюдая за происходящим:

— Какой честный вор, — элвинг махнула в сто-

¹ Вэл/Вэлла — уважительное обращение на Мэйтару.

рону семейства. — Но зря старался, ставлю «ланыку»², она не успеет до следующего корабля дойти, как её обчистят.

— Я этого уже не увижу, — пожал плечами Клыкарь.

— Держи, — в руках Ашри блеснул серебряный тигролок на остром лезвии булавки-ножа. — Помогая другим, о себе не забывай.

Грав хлопнул по кожаному жилету, где был приколот амулет, и нащупал пустоту:

— Когда успела только, — поворчал он, забирая и пристёгивая к жилету, напротив сердца, клыкастую морду с изумрудными глазами.

Несколько поворотов, и они вынырнули из бурного потока тхару к небольшому дворику, где журчал фонтан морвингов. Грав давно заметил, как дорога словно сама приводит Ашри сюда, будто лишь для того, чтобы элвинг украдкой бросила монетку в хрусталь воды, и на миг задержала взгляд на застывших в камне морских существ. Наполовину рыбы, наполовину тхару — они были столь искусно выточены, что, казалось, моргнёшь, и старая сказка оживёт.

² На Тхару приняты к хождению монеты разного номинала, получившие названия от изображённых символов государств, вошедших в Большой Мир: медные «улитки» (Архипелаг), бронзовые «шестерёнки» (Скала Рок и остров Грома), серебряные «ланыки» (Северные земли), «огоньки» из электрума (Парящие острова Силурии), золотые «драконы» (Империя Дракона). 1 «дракон» = 10 «огоньков» = 100 «ланек» = 1000 «шестерёнок» = 10 000 «улиток».